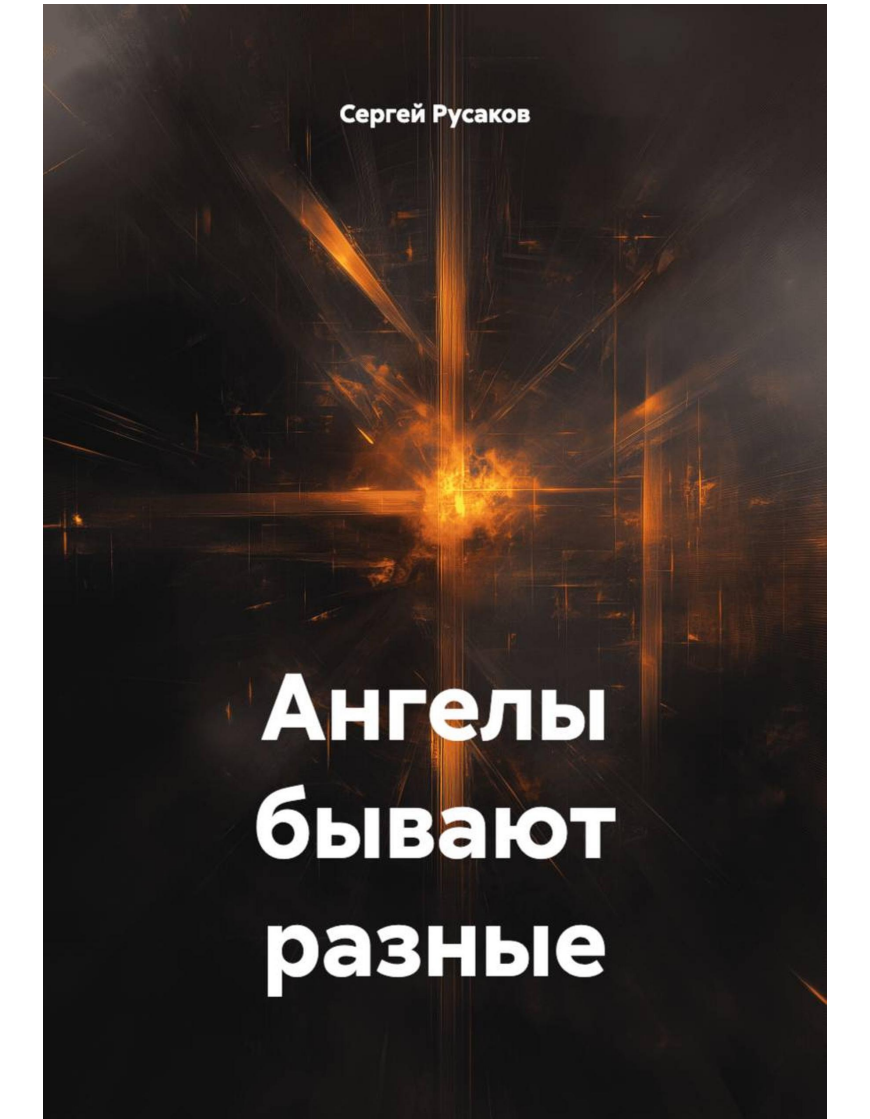

Сергей Русаков

Ангелы бывают разные

Сергей Русаков

Ангелы бывают разные

<https://litres.ru/74446662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ангелы самого разного предназначения и вида, с крыльями и без, похожие на бомжей и на маленьких детей творят свою миссию спасать людей или передавать людям весть свыше. Тридцать три истории, выдуманные автором в надежде и вере, что ангелы есть.

Сергей Русаков

Ангелы бывают разные

Сборник рассказов “Ангелы бывают разные”

Предисловие

Кто же не знает об ангелах? О них знают все. Более того, в памяти обязательно найдется случай-другой волшебного спасения, и это всегда приписывают ангелам. А раз такое бывает, то, может, и вправду ангелы существуют в своем параллельном духовном мире и живут своей жизнью, выходя на работу по спасению людей, которые похожи на ангелов, но обычно совсем не ангелы. Достойны восхищенной благодарности неизбывные попытки ангелов сделать из человека то самое подобие, о котором замыслил общий верховный начальник и ангелов, и людей, но видно крепким орешком оказался человек, что обходится с божественными дарами как тот герой анекдота, которому вручили два железных шара и поместили в пустую камеру, а наутро мужик есть, а шаров нет. “А где же шары?” - спрашивают. “Один сломал, другой потерял!” - отвечает.

Не то, чтобы одна надежда на ангелов. Куда им если и Бог с людьми не справляется? Однако ангелы старательны, мудры и терпеливы с своим верном служении, и приходится им,

подобно волонтерам в чумном хосписе, заботиться о людях со всем их усердием Матери Терезы.

Как бы там ни было на самом деле, но ангелы рядом. Перышко ли закружилось рядом с отчаявшимся человеком, утешая красотой мира, оступись ли решившийся на последний шаг несчастный, и не погиб, нагнулся ли за цветочком в окопе, и пуля просвистела, не задев, но только не случайно такое вовсе. Это вездесущие бестелесные добрые создания вершат свою работу. Беспричинная радость, именуемая благодатью, вовсе не эндорфиновый прилив гормональных причуд организма, а привет от Бога, переданный через ангела, что подлетел невидимо и погладил по голове, как ребенка любящая мама.

Признавая писательскую прозорливость как дар свыше, не прошел автор мимо посещавших его размышлений и водоворотов фантазий, возвышаясь от мирского к горнему, и тогда словно приоткрывалась театральная занавесь, открывая закулисы целого огромного мира ангелов - самых разных в их предназначении.

В предлагаемом читателям сборнике собраны рассказы об ангелах на основе пришедших в голову писателя фантазий, определенно навеянных их героями.

**Ангелы бывают разные
или о приключении в офисе, изменившем трех людей**

Судьбы нет. Человек сам делает выбор. Ошибается, конечно. Тем не менее, наиболее вероятный сценарий существует. Он известен ангелам-хранителям. Бог запрещает или не рекомендует им раскрывать тайну вероятного сценария. Человек вполне может сделать это сам. Так, взрослый бдительно следит за ребенком, когда тот вот-вот упадет и ушибется или наоборот, вот-вот сам найдет трудное решение. Взрослый рядом. Готов помочь, но не вмешивается, не предупреждает, иначе ребенок не научится, не будет развиваться. Предупреждать и подсказывать нельзя, но ангелы нашли решение.

Современного человека непросто заставить читать, и все же люди читают. Скорее, чтобы занять чем-то глаза и скоротать время поездки в метро.

Дорогин шагнул на первую ступеньку лестницы и поднял глаза в направлении подъема. Взгляд уперся в обтянутую короткой юбочкой попку какой-то девицы, опасно для нравственности старика посверкивающей еще незагорелыми ногами. Дорогин снова опустил глаза.

Лето в этом году так и не наступило, и девушки спешили захватить каждый более или менее теплый денек, чтобы разрешить генной репродуктивной программе включиться в режим привлечения внимания парней. Не стариков!

Дорогин улыбнулся, вспомнив молодость и нахмурился,

упрекнув себя за то, что невольно откликнулся, попался на удочку девичьих бесхитростных чар. Он склонил голову еще ниже, и теперь видел только белые туфельки, взлетающие со ступеньки на ступеньку. Вот и последняя, верхняя ступенька.

Дорогин поднялся по лестнице с платформы станции метро Текстильщики. Здесь недалеко он работает, и нужно спешить, чтобы неумолимая электроника турникета не зафиксировала его опоздания и не занесла его в базу данных такого же неумолимого отдела кадров.

Хотя... Хотя, можно попробовать договориться с кадровичками. Одна почти сверстница определенно поглядывает с интересом на отставного военного. Надо бы зайти к ней, поболтать с ней о том, о сем, наладить контакт, завязать отношения...

Неожиданно перед опущенными вниз глазами Доронина появилась сложенная газета, сжатая чьей-то рукой - маленькой, сухонькой и явно немолодой. Дорогин пробежал взглядом по руке и нашел ее хозяйку. Старушка-газетчица из тех, что раздают в холлах метро бесплатные рекламные газеты.

Старуха требовательно смотрела прямо в зрачки Дорогину. Он даже смутился. Наверное, старуха решила честно отрабатывать свою ничтожную зарплату, всучивая каждую газетенку всем, пробегающим мимо.

Дорогин машинально взглянул на газету, выхватывая обрывки заголовков и строк: "...Совсем скоро!...", "...Не упу-

стите момент!...”, “...Как стать...”. Обычные безыскусные штампы. Ничего нового!

Дорогин вскинул брови вверх и снова вернулся взглядом в глаза старухи. Та покивала головой: “Бери-бери!”. Дорогин пожал плечами, натянуто улыбнулся, укоряя себя, что поддался чужой воле и взял газету.

Неясной причины дискомфорт он постарался погасить мыслью, что выбросит никчемную газетку в первую же урну. Старуха удовлетворенно кивнула, как если бы хорошо сделала свою работу.

Дорогин исполнил замысел и с размаху, движением, напоминающим детскую игру в ножички, воткнул газету в жерло урны. Непроизвольно бросились в глаза строчки, разбросанные по видимой части упокоившейся в урне газеты: “Охранное агентство “Порядок и честь!”, “Завтра будет дороже!”, “Страхование жизни...”. Реклама есть реклама. Глупая и бесполезная.

На работе, на которую удалось не опоздать, все текло неторопливо и рутинно. Если руководству не попала никакая шлея под хвост, то дни офиса осыпаются один за другим, как осенние листья с деревьев. Можно спокойно делать свою работу, не задумываясь о ее целесообразности. Так, старуха вяжет свой вечный носок, постукивая спицами, не глядя на них, и говорят, они могут вязать в темноте. Лишь бы занять руки.

Дорогину вспомнилась старуха-газетчица. Что-то в ней

сначала насторожило его, а потом заставило потратить время на воспоминания того случая в метро. Он задумался и не заметил, как за его спиной появился руководитель.

-

С таким отношением к работе наша компания никогда не добьется успеха! - прозвучал его бас, и Доронин, вздрогнув, оглянулся. - Чем это вы здесь заняты?

Вопрос застал врасплох, и Доронин замешкался, решая, как покороче описать выполняемое задание.

-

Что? Нечего сказать в свое оправдание? - децибелы в голосе руководителя нарастали, привлекая внимание сотрудников вокруг, и Доронин растерялся еще больше, не улавливая, к чему тот затеял весь этот разговор.

Видимо, воодушевившись обращенными на него головами подчиненных, руководитель еще более возвысил голос.

-

Обратите внимание на этого..., - он сделал паузу, то ли подбирая эпитеты, то ли для пущей остроты свой тирады. - Нет слов, чтобы... Сказать приличными словами... Назвать вещи своими именами...

Руководитель запутался в словах и еще больше разозлился, добавив досады на себя к необъяснимой злости на подчиненного.

-

Позор нашего коллектива! - выпалил он и побраговел ли-

цом.

Дорогин медленно поднялся со стула, поворачиваясь к руководителю. Он тянул время - может, все еще образуется, как-то разрешится, рассосется? Руководитель посмотрел на подчиненного, словно удивился от неожиданности, что тот стоит напротив и смотрит ему в глаза без тени какой-либо эмоции. Видимо, посчитав, что смотреть в глаза подчиненному ниже его достоинства, руководитель скосил глаза вбок, куда-то за спину Доронину, и нанес добивающий удар.

-
Чмо!

В это время за полуоткрытой дверью какого-то технического коридора метрохозайства старуха-газетчица, взяв из коробки очередную пачку рекламных газет, рассуждала вслух:

-
Ну, вы и затейники! Мы же договаривались - никаких этих ваших хитроумных комбинаций! - старуха замолчала, словно ожидая ответ, и не дождавшись, продолжила. - Вы же знаете людей. Им прямо говори - не поймут, а у вас целая стратегема!

-
Все дело в том, что это как раз тот случай, когда достаточно подвигнуть одного, и это изменит другого! - с особым тембром, музыкально чистым, прозвучал чей-то голос.

-

О чем и речь-то! - препиралась старуха. - Не поймет твой ничего! У нас есть опыт, эмпирика, статистика. Вы же знаете - процент реализации замысла посредством непосредственного участия подопечных весьма невысок, да еще и снижается в зависимости от квадрата сложности.

Старуха замолчала и зачем-то нагнулась к коробке с запа-сами газеты, что-то там перебирая.

-

Понимаете..., - второй голос был также мелодичен, но с легкими нотками заискивания. - Мой подопечный пока так слаб духом, что не сможет, не решится действовать сам...

-

А твой? - перебила второй голос старуха, адресуя вопрос первому.

-

Мой как раз, наоборот, весьма силен духом. На это и рас-чет...

-

Час от часу не легче! - старуха в сердцах бросила отобран-ную пачку газет на коробку и всплеснула руками. - Вы же знаете людей! Они крайне жестоки! Жестокость, помножен-ная на силу, смертельно опасна!

-

Мы в полной мере осознаем риски, и если что-то пойдет не так, вмешаемся непосредственно.

-

Ну, ладно! - примирительно отозвалась старуха-газетчица. - Что на этот раз?

-

В следующий раз мой подопечный должен получить направляющее пророчество вступить за подопечного моего товарища.

-

То же самое? - уточнила старуха.

-

Почти. Другими словами. Чтобы дошло...

Газетчица кивнула, повернулась, отворила какую-то дверь в стене и исчезла за ней. В полутемном коридоре мелькнули три светлые тени.

В маленькой комнатке старуха уселась за стол, включила настольную лампу и компьютер, который громко загудел и через минуту засветился голубым светом старинного монитора с электронно-лучевой трубкой. Затем газетчица поводела и пощелкала старой проводной мышкой, открывая и закрывая какие-то окна, и, в конце концов, перед ней открылся текстовый файл.

-

Как тут было-то? Порядок и честь... Завтра будет дороже... Страхование жизни..., - она закатила глаза, задумавшись. - Ага! Береги честь смолоду! Нет! Куда это вставить? Честь... Честь... Честь... Во! Сауна - честь по чести! А что?

Ничего так!... Дальше! Как продать свою квартиру дороже... Годится! Дальше! Высокое качество жизни! Нет! Даешь высокое качество жизни! Сойдет! Сложилось...

Газетчица пощелкала мышкой, сохраняя текст и отправляя куда-то электронное письмо. Совсем по-молодому потянулась, прогибаясь в спине, вскочила, выбежала в коридор, схватила пачку газет и порхнула в поток пассажиров. Они брали из рук старухи газету, пробежали глазами обрывки заголовков и текли дальше.

“Честь дороже жизни!”, “Честь дороже жизни!”, “Честь дороже жизни!”, - стучала в висках Дорогина кровь. Перед глазами почему-то стояли строчки из рекламной газеты, выброшенной им сразу после того, как ее всучила старуха-газетчица. Причем здесь это?

Никто не имеет права унижать честь и достоинство человека! Хватит! Этот хам достал своими издевательствами всех сотрудников офиса. Сейчас ему воздастся. Дорогин уже кое-что умеет...

Ярость закипела в нем. Дорогин мысленно собрал ее в подобие шаровой молнии. Также мысленно слепил из молнии ослепительно яркий “снежок”, мысленно взял в правую руку, размахнулся и что есть силы швырнул сгусток ярости в лоб руководителю. В последний момент словно кто-то толкнул Дорогина, и “снежок” угодил руководителю в грудь. “Не надо бы в сердце-то!” - успел подумать Дорогин. Руководитель

рухнул. Подчиненные повскакивали с мест.

Произошло нечто, что не может остаться без внимания скучающей публики. Руководитель, известный своим дурным характером, придирками и наездами, выбрал своей жертвой новичка, молодого сотрудника. Надо сказать, что во внешнем виде и поведении парня было что-то такое, что провоцировало улыбнуться, отпустить шутку, подколоть. Он был худым, нескладным, молчаливым и заторможенным - не сразу отвечал, если кто обращался к нему, тупил или был в себе, как все интроверты. Руководитель выбрал себе новичка в жертвы, такие случаи изучает виктимология.

На этот раз руководитель превзошел все ожидания офисного “светского общества”. Новичок был просто размазан им. Будь он девушкой, все кончилось бы рыданиями, а может, и суицидом, но парень молча сносил оскорбления.

Неожиданно в ситуацию вмешался сотрудник в возрасте, довольно сильного характера и независимый. Он держался особняком, но пользовался необъяснимым уважением коллег. Сотрудник встал между руководителем и новичком, словно защищая собой жертву. Видимо, он что-то сказал руководителю, что тот упал.

Дорогин стоял над поверженным противником и начинал догадываться, что произошло. Похоже, он переборщил с применением силы, да еще и промазал. Реакция руководителя походила на сердечный приступ.

-

В сторону! - оттолкнув Дорогина, к распростертому телу руководителя подлетел тот самый новичок. - Вызывайте скорую! Немедленно! Кардиореанимацию!

Молодой человек действовал решительно и умело, даже профессионально. Наложил пальцы на шейную артерию. Остановка сердца. Ослабил удавку галстука. Расстегнул пуговицы рубашки и открыл грудь. Привстал, сложил ладони и сделал четыре сильных, глубоких, ритмичных нажима на грудину. Положив ладонь под шею руководителя, запрокинул его голову, зажал другой рукой ноздри бездыханного человека и с силой вдохнул в него порцию воздуха. На пятом цикле руководитель задышал, открыл глаза и попытался подняться.

-

Лежать! - тихо, но властно, новичок придавил его грудь ладонью к полу. - Почему не вызвали скорую? Звоните!

Дорогин пришел в себя, достал из кармана мобильный телефон и короткими четкими фразами сказал все необходимое оператору скорой помощи. Лишь дважды он добавил в свой звонок медицинские термины, повторяя то, что велел ему передать врачам новичок. Оказалось, что тот в группе волонтеров прошел курсы парамедиков и стажировку в неотложке. Готовил себя к спасению людей.

Дорогин своим необычным поступком тоже пытался спасти офис от тирана-руководителя, не заметив при этом, что

тот напал не на него, а на новичка. Честь дороже жизни!

-

Теперь вы понимаете, какой результат стоял на кону? - мелодичный голос был адресован старухе-газетчице, которая, отсмеявшись, вытирала слезящиеся глаза. - В результате этой удачной комбинации мы сразу, одновременно инициировали двух людей, и по прошествии жизни, они, как и мы, станут ангелами-хранителями каких-то своих подопечных.

-

А может, - продолжил второй мелодичный голос. - Кто-то из них станет ангелом при жизни, и будет, подобно вам, предупреждать людей об опасности и направлять их строчками какой-нибудь газеты или рекламного флаера, а вы вознесетесь и присоединитесь к нам.

-

Скорей бы уж..., - мечтательно добавила старуха. - Тепло-то уже не молодо!... Ну, а ты-то что молчишь? Что с твоим подопечным?

-

Похоже, что и с ним произошли радикальные перемены. - Послышался третий мелодичный голос. - Конечно, я тоже мечтаю, чтобы и мой подопечный стал ангелом.

В полумраке технического коридора метро светились четыре силуэта. Три ангела-хранителя и один ангел-вестник.

Колобок - это человек

-

Колобок, колобок! Я тебя съем! - ехидно процедил Заяц через заячью губу.

Более дурацкого положения не придумаешь. Надо же так влипнуть. И без того хватает издевательств из-за непреодолимой данности - фамилии.

Ваня Колобков радовал одноклассников поводом поглумиться над ним. Никто не упускал случая вспомнить сказку о Колобке. Вот и сейчас гнусный малый Сенька Зайцев по прозвищу Заяц застал его в самый неподходящий момент и в самом неподобающем виде - с куличом на вытянутых руках.

Кряхтя и причитая, хватаясь за бока и жалуясь на суставы, любимая его бабушка Маруся уговорила Ваню сходить в церковь, отнести туда испеченный ей кулич, поставить на длинный деревянный стол в церковном дворе и постоять вместе с другими людьми, ожидая, пока батюшка окропит куличи святой водой.

Исключительно из любви к бабушке, этому доброму и заботливому человеку, заменившему мать и отца, Ваня, навлекая на себя позор, шел к церкви. Требования бабушки были суровы - нести кулич в руках и ни в коем случае не есть.

-

И не вздумай хоть кусочек от кулича неосвященного попробовать! Грех это большой! Не рискуй!

Кулич и впрямь получился забавный - почти шарик, как колобок. Устроенный бабушкой узор на глянцевой сахарной шапке кулича при взгляде под углом походил на улыбающуюся физиономию. Как у Колобка из иллюстраций в детской книжке.

-

Какой сладенький! - притворно запищал Заяц, косясь на кулич белесыми своими глазками и оголяя два крупных верхних резца распахнутого рта.

-

И не вздумай! Неосвященный кулич есть нельзя! - почти процитировал бабушкино заклинание Ваня. - Не рискуй!

Зайцев замер, словно его заклинило. В его маленьком мозгу закрутились картинки опасности. Известно, что зайцы трусливы.

-

А ты попробуй, Заяц! - развивая успех, предложил Ваня, переходя на зловещий полусшепот.

Зайцев отрицательно замотал головой и, огибая Ваню с куличом, побежал прочь, петляя между весенними лужами.

«Победа!» - мысленно воскликнул Ваня, замечая краем сознания, что явно проявил силу, и сила эта принадлежала не только ему самому.

Встреча с искусителем Зайцевым и славная победа над ним словно окрылили Ваню Колобкова, и теперь он гордо вышагивал по тротуару, почти демонстративно неся перед

собой на руках круглый кулич-колобок. Ему больше никто не страшен - ни Серега Волков, ни Мишка Медведев, ни другие одноклассники, попадись они на пути к церкви.

Маленькая старая белая церквушка с голубым куполом и золотым крестом стояла раньше на пригорке посреди поля. В наше время ее окружают многоэтажки растекающейся, как свежее замешанное тесто, столицы.

Бабушка приучила Ваню к церкви, и каждое воскресенье они вдвоем ходили на службу. Разумеется, Ваня стеснялся этого, но все больше привыкал. Он не понимал, зачем это ему нужно, но верил бабушке, которая любит его и желает ему добра.

Расписанные фигурами потолки и стены церкви, отвлекая глаза, навевали Ване мысли совсем о других мирах и других героях. Супермен, Бэтмен, Человек-паук, Халк, Женщина-кошка... Экономя на мороженом, Ваня не жалел денег на комиксы.

Поворот, и знакомый вид церкви почему-то обрадовал Ваню. Церковная калитка открыта настежь. Во дворе стоят столы и толпятся люди. Снаружи у ворот привычно сидит на земле нищий бомж заросший волосами и бородой. Увидев Ваню, бомж не улыбается ему, как обычно, а, хмуря брови, смотрит как бы сквозь него или ему за спину.

-

О-о-о! Какой сладенький! - раздался сладкий голос, как будто в голове Вани.

Он обернулся и увидел перед собой яркую женщину, одетую в жилетку из рыжего меха, обтягивающие стройные ноги джинсы и легкомысленную шапочку с рыжими ушками. За спиной женщины урчал мотором черный джип.

-

А подари-ка мне этот прелестный колобок! - проворковала женщина-лиса. - Люблю сладенькое.

-

Кулич же не освященный! Грех его есть! - применил удавшийся прием Ваня.

-

Это у вас грех, а у нас очень даже не грех..., - женщина сладко и призывно потянулась, производя на Ваню совсем не детское впечатление.

-

А ну, сгинь нечистая! - услышал Ваня голос над собой. За его спиной во весь, как оказалось, немалый рост стоял нищий бомж, и глаза его нешуточно сверкали яростью.

-

Сгинь, заблудшая! Не искушай ребенка, а не то наказана будешь! - похоже, что бомж не шутил.

-

А кто-это там рот разевает? - с вызовом отреагировала женщина, но заглянув в глаза нищего, осеклась, и уже насто-роженно продолжила, - Пусть ребенок сам решит. Предлагаю тебе, мальчик, сто долларов за колобок!

Изящные женские пальцы с черным готовским маникюром помахали перед носом Вами зеленой купюрой. Ваня, словно поддавшись ее чарам, протянул женщине кулич. Однако мальчика опередил бомж. Он выхватил из женской руки стодолларовую бумажку, скомкал и разжал ладонь. Бумажный комок горел в его руке, обугливая края.

В следующий миг нищий схватил свободной рукой Ваню за плечо и переместил его себе за спину, а сам сделал шаг навстречу женщине-лисе, бормоча что-то похожее на заклинание или молитву. Он поднес ко рту раскрытую ладонь с горящими долларами и с силой дунул. Огненный ком влетел в лисью жилетку. Запахло паленой шерстью и еще чем-то вроде жженой серы. Женщина вскрикнула и отскочила в сторону.

Мотор черного джипа взревел высокими оборотами, машина рванула с места и пригвоздила нищего к запертым воротам, отчего тот обмяк и повалился на капот. Из водительской двери вылез мужчина. Рослый, плотный, в черной водолазке, черном пиджаке и в джинсах. Глаза его были как-то по особенному безжалостно безжизненны. Просто зверь какой-то.

-

Ух ты, ух ты! Кого я вижу?! - оскалился мужчина, наблюдая, как нищий приходит в себя и выпрямляется, будучи зажатым между машиной и воротами. - Ты все никак не уймешься, правдоборец?

-

Пока не истреблю таких, как ты, не уймусь, - произнес Нищий окровавленными губами. - Это хорошо, что ты мне встретился. Сегодня твой последний день.

Мужчину перекосило, он ослабился, отшагивая назад. Нищий уперся ладонями в капот джипа и легко отодвинул от себя многотонный автомобиль. Нищий бомж и владелец джипа одновременно взвились ввысь черными ракетами, и выглядело это точь-в-точь, как в любимых ваниных комиксах.

Ваня открыл рот. Картина была совершенно сюрреалистической. Нищий и его противник чертили в небе замысловатые пируэты, подобные самолетам в воздушном бою. Кажется даже, что слышались пулеметные очереди бортовых пулеметов. Различить, кто где и кто кого преследует, оказалось возможным, лишь когда один за другим пронеслись над самой землей владелец джипа в развевающемся черном плаще, а за ним, преследуя, бомж в белых одеждах. Затем они снова взмыли вверх, а Ваню обдало подобием реактивной струи.

Еще более странным было то, что все это происходило в темноте, вернее, в сумерках, которые сгустились, будто в один момент повечерело. Правда, свет все же был. Он исходил от креста на церковном куполе, освещая область воздушного боя на манер зенитного прожектора.

Разобравшись, где «свои», а где «чужие», Ваня с замиранием сердца следил за ходом боя, «болея» за исход в поль-

зу «наших». Но вот нищий в белых одеждах от удара стал падать вниз, кувыркаясь как белоснежный турман. Кувырки как-то сдерживали ускорение падения белого летчика. Черный летчик, целясь в белого, перешел в пики, сложив крылья, как аспидно-черный сапсан.

Ваня затаил дыхание и закрыл глаза, но почувствовал легкий толчок в плечо:

-

Молись и осеняй себя крестом! - за его спиной стояла бабушка Маруся, крестившаяся скорыми движениями руки.

Ваня снова задрал голову в небо, перекрестился и произнес первые слова «Святой Боже...», короткой молитвы, которую он знал наизусть. У этой молитвы необычная история и необычный автор - мальчик, молившийся о спасении города от землетрясения, вдруг взмыл вверх, услышал слова молитвы от поющих ангелов, запомнил, опустил, передал людям, и те совместной молитвой остановили природный катаклизм.

Ваня медленно оторвался от земли, осознавая это, и броском направил себя к падающему белоснежному... ангелу. За мгновение до смертоносного удара черного... демона Ване удалось сдвинуть ангела с опасной траектории пикирования. Не в силах затормозить, демон на огромной скорости врезался в землю, вспарывая асфальт улицы.

Раздался грохот, грибовидное облако пыли поползло вверх. В вышине сверкнули молнии и громыхнули громы.

Померк свет, как выключенный. Со стороны церкви послышалось стройное многоголосое пение. Стало светлеть и стало ясно, как днем, как и было до всего этого происшествия.

Ване открылась картина. У колес черного джипа лежал на спине его владелец в черном, бесполезно ворочаясь под придавившим его грудь старым ботинком бомжа, прижавшего поверженного врага ногой. Черный шипел и вращал глазами. Из под его спины лучами расходились трещины в асфальте.

Нищий обернулся к ваниной бабушке и подмигнул ей:

-

Привет, Маша!

-

Привет, Миша! - кивнула в ответ бабушка. - Спасибо за внука!

-

Работа такая! - откликнулся нищий и еще сильнее придал к земле своего врага.

-

Я вызову полицию! - хрипел черный снизу, - Ты, бродяга, еще пожалеешь, что поднял на меня руку! Смотри синяк какой!

А бабушка... Бабушка обнимала рыдающую женщину-лису, уткнувшуюся лицом в бабушкин старенький плащик.

- Плачь, Магдуся! Плачь и кайся! Не жалея слез для покаяния, заблудшая ты моя! - приговаривала бабушка, поглаживая женщину по спине в лисьей жилетке.

А где же колобок? Ваня взял с капота джипа пасхальный кулич и на вытянутых руках внес его на церковный двор. Прихожане, собравшиеся вокруг столов с куличами, пасхами и крашеными яйцами, настороженно смотрели на приближающегося к ним мальчика, крестились и перешептывались. Им казалось, что светлая голова его излучает свет, окружая себя подобием шлема космонавта.

Мистическое, казалось бы, явление объяснялось просто - Ваня был... рыжим. Фамилия Колобков и рыжий цвет волос - это определенно перебор, но сейчас Ваню это не огорчало, и с этого момента больше не будет огорчать. Он изменился. Вырос. Ваню ждет судьба, о которой он сейчас и не догадывается, но бабушка, любящая его бабушка будет довольна своим внуком.

Чего только не случается в нашем мире, об истинном устройстве которого знают не все...

Вера на коленях

В первый день весны мороз поубавил свои градусы - всего минус двенадцать. Львов, не надев перчаток, заспешил по скользкой наледи, опираясь на трость. Видимо к перемене погоды, разболелись суставы. У входа в переход, ведущий на станцию метро Таганская, прямо на камнях первой ступеньки стоит на коленях женщина. В руках картонная табличка с корявой надписью, объясняющей прохожим, какая причи-

на заставила несчастную просить подаяния, и обязательное упоминание Бога.

Львов и раньше видел эту женщину. В глаза с первого раза бросилась прямая, стройная осанка, вытянутая свечой в вечернее небо. Лицо ее скрывал плотный толстый платок. Раньше Львов обходил женщину и спускался в метро, задержав в голове мысли о нищенке на короткие секунды. На этот раз что-то заставило его затормозить. Спешащие в метро прохожие тут же наткнулись на Львова и стали чертыхаться. Возникла сутолока.

Прояснения прощения налево и направо, Львов пробрался к краю лестницы. Из кошелька он выгреб все монеты, снова пробрался сквозь поток людей и ссыпал мелочь в сумку нищенки, в которую невольно заглянул. На дне сумки монеты, поверх денег полбуханки хлеба в прозрачном целлофановом пакете. Вполне по-нищенски.

-

Дай вам Бог! - прошелестел голос ожидаемо религиозную фразу.

Львов кивнул в ответ.

-

Ведь все проплет! Вы пьянство поощряете! - услышал Львов за спиной упрек в исполнении женского голоса с праведными интонациями - услышал и от чего-то вжал голову в плечи, словно почувствовал опасность.

-

По милости человеческой Господь помилует ее! - пробормотал Львов слова, определенно не свойственные ему, будто кто-то другой сказал его устами.

На мгновение показалось, может даже, привиделось, что над головой его вспыхнуло сражение. “Небесная брань”, - пришли на ум слова, и тоже не свои. Однако странное наваждение скоро прошло.

В метро Львов привычно согнал утонувшего в телефоне бородатого юнца, сел, достал почитать брошюрку про менеджмент и включил в наушниках смуз-джаз. Книжка довольно толково вещала об управлении трудовыми коллективами. Львов, скорее, пролистывал книжку, чем читал. Все это были хорошо известные истины, по которым взгляд скользил, как по волнам, пока автор брошюры осмелел до цитаты: “Милостыня развращает и подающего, и берущего, и сверх того, не достигает цели, потому только усиливает нищенство”. Еще более удивился Львов, узнав, кто автор сентенции - Федор Михайлович Достоевский.

К чему же приурочена цитата? Пришлось вчитаться. Автор брошюрки призвал на помощь авторитет популярного у растущей личностно молодежи борца за силу духа и свободы мысли, чтобы доказать тезис - руководители не должны прощать сотрудников ни за проступки, ни за ошибки, ни за неумение выполнить работу. Конечно, же это обычная глупость неопытных руководителей. Другое дело Достоевский.

Высказывание именитого писателя было жестоким - со-

вершенно в духе одного из персонажей, Раскольников. Вот ему-то, молодому растущему, решившемуся на убийство старухи по собственному представлению о справедливости, Львов простил бы мнение о подаянии, но не писателю-гуманисту.

Львов, не замечая, отвлекся от менеджмента и спорил с Достоевским. Показалось, что над его головой что-то происходит, и он даже воздел глаза к потолку вагона поезда метро, никого, конечно, не увидев. Львов снова вернулся к брошюре, к тезису ее автора о недопустимости прощения, помилования сотрудников. Жестокость руководителей - известная проблема.

Не замечая, того, малоопытные руководители ревностно отстаивают свою власть, а значит, сомневаются в праве на нее и боятся утратить. Такие стремятся контролировать все, что только посчитают опасным упускать из под контроля. Взрослому руководителю смотреть на это смешно, но повлиять на молодых руководителей непросто - они яростно защищают свою правоту, право повелевать людьми, не признавая права людей, их собственное мнение и собственные судьбы.

В этом кроется парадокс. Попробуйте заставить таких новоиспеченных руководителей действовать не по их воле, и они обвинят вас в покушении на их свободу, но одновременно с этим, они жестоко подавляют свободу подчиненных.

Львов вздохнул, и кажется, стихло что-то, что показалось ему происходящим над его головой. Обыгрывая во внутрен-

ней речи свое несогласие с автором брошюры и чувствуя какую-то нелепую обиду на Достоевского, Львов сошел на станции Теплый Стан. Он купил маме баночку икры и чизбургер в Макдональдсе племяннику, сел в машину и завел двигатель, чтобы прогреть. Первые дни весны отметились морозами.

Из автомобильного приемника на какой-то радиоволне звучал аудиорассказ. Не с начала, но Львов быстро уловил суть сюжета. Двое стариков в дореволюционные времена отправились из своей деревни в паломничество в Иерусалим ко Гробу Господню. По дороге один из них отстал. Вернее, зашел в деревенский дом воды попить, а там умирающие от голода домочадцы.

Старик остался, выходил больных, потратив все свои сбережения, даже корову купил, а там и вся деревня его стараниями поднялась на ноги. Тут старик понял, что в Иерусалиме ему на побывать, и вернулся домой, а там и первый старик домой стал возвращаться. Зашел он в деревню, где его товарищ отстал, да и стал расспрашивать про него. Местные крестьяне рассказали со слезами, что умирали от голода, но Бог смилостивился и послал к ним спасителя.

В этот момент рассказ прекратился и диктор объявил, что он читал фрагмент рассказа “Два старика” Льва Николаевича Толстого. Слезы залили глаза Львову, он замотал головой и замычал. Такое с ним бывало, когда уму открывались какие-то истины. На этот раз Львов увидел пронзительную

правду. Бог, в рассказе ли, а может, и в жизни действительно милостив, но милость свою дает через людей же.

Вот и он сегодня подал милостыню нищенке, значит, действовал верно, по-божески, и чтобы там ни говорили за спиной, поступать нужно именно так. Да и жить нужно так! Вот откуда фраза, которую он произнес в ответ.

Перед лобовым стеклом что-то промелькнуло, как будто тень большой птицы, но наверное, это лишь тень от моста, под которым Львов только что проехал. Он рефлекторно притормозил.

Возле дома он не сразу вышел из машины. Остался осадок. Два великих человека - Достоевский и Толстой, а какие разные! Львов достал мобильный телефон. Домашний вай-фай добивал до машины. “Достоевский о милосердии”, - набрал Львов в поисковый запрос. “Сострадание есть высочайшая форма человеческого существования!”. Вот это да! Откуда же та цитата? Наверное, так говорил, кто-то из героев Достоевского, но не он сам.

Пожалуй, писатели делают больше для совершенствования духовной природы человека. Может, больше, чем священники религий. Кроме того, разные писатели не мешают друг другу и не отрицают друг друга, как это делают служители культа. Может, именно писателями жива вера людей. Не случайно ли, Иисус рассказывал притчи?

Ежегодно Иван Сергеевич Тургенев собирает жатву слез, пролитых детьми, школьная программа которых проводит

через сострадание к собачке Муму. Жестокосердые не по возрасту дети сопереживают солдату из рассказа “После бала” Льва Николаевича Толстого. Роман “Преступление и наказание” Федора Михайловича Достоевского учит различать истинное и ложное милосердие. Весь сонм пишущих и уже только читаемых писателей, как в горячем цеху, выковывает души читателей.

Все это Львов успел передумать, пока выходил из машины, открывал калитку и дверь дома. На ступеньках крыльца он вспомнил о нищенке.

В это же самое время женщина поднялась с колен, выпрямилась, вытянулась и, оторвавшись от гранита ступенек, взмыла в небо, и только два белых перышка, подобно снежинкам, долго кружились у входа в метро.

-

По милости человеческой милует Господь! - зазвучало в головах редких прохожих.

Весовщик

Удивительное свойство курорта - схожесть с заповедником. На курорте не просто особый климат. На курорте царит атмосфера праздности, коей не сыскать в напряженной суете мегаполиса с изнурительной дорогой на работу, унылым отсиживанием в офисе и молниеносными выходными, дающими глоток воздуха свободы всплывшему на короткий миг

утопающему наемному работнику.

На курорте все по-другому. Курорт заслуживает еще более высокого сравнения - с раем. Место первозданного, легкого и приятного наслаждения жизнью. Место, куда попадают праведники.

Отчего эти мысли пришли в голову Светлову? Средиземноморский городок Игалло местечка Герцог Нови в Черногории был заполнен стариками и старушками, съехавшимися в крупный, построенный еще во времена социалистической Югославии медицинский реабилитационный центр.

Пожилые люди всюду. На пляжах, на тротуарах, на набережной, в кафе и сувенирных лавках. Они беспечны, легко и легкомысленно одеты и очевидно счастливы. Даже те, что на костылях и в инвалидных колясках. Ну, чем не Эдем, куда собирают отживших свое и заслуживших вечное блаженство?

Светлов, хоть и был не молод и уже считал себя стариком в свои пятьдесят с половиной лет, даже растерялся, будто попал в это место по ошибке. Интернет по своей поисковой прихоти предложил для отпуска именно этот городок с недорогой квартиркой с видом на море в десяти минутах ходьбы до пляжа.

Все так и оказалось. С балкончика действительно открывался вид на море, благо дом на горе. Спускаться с горы к набережной по выющимся причудливым серпантином ступенькам выходило за десять минут. Подниматься по ним вверх,

к дому, оказалось испытанием для сердечно-сосудистой системы. Хорошо, что на площадках между лестничными пролетами установлены скамейки, и Светлов, если они не были заняты стариками, с облегчением садился передохнуть.

Первая прогулка по набережной впечатлила множеством фланирующих пожилых людей. Даже местные жители, торгующие фруктами, шлепанцами и мороженым, были, в большинстве своем, тоже не молоды. В пляжных кафе пожилых посетителей обслуживали пожилые официанты, а из окошка выдачи выглядывали пожилые повара. Царство старости!

Прогуливаясь по аллейке, отороченной пальмами, Светлов ещё издали заметил необычное. У края тротуара стоял старик, жестикулируя и гортанными репликами на сербском зазывавший прохожих взвеситься на старинных железных напольных весах. Светлов помнил такие с детства. На таких юного Светлова взвесили в военкомате перед отправкой в армию.

Старый весовщик, похожий на цыгана длинными выющимися черными волосами с проседью, своим взглядом исподлобья обнаружил также сходство с Кустурицей. Зная характер цыган, и что с ними лучше не встречаться взглядом, Светлов устремил глаза прямо перед собой и решительно зашагал мимо весовщика.

В этот момент что-то прилетело и не больно, но ощутимо, ударило в щеку. Светлов повернул голову в сторону весовщика и с возмущением посмотрел ему в глаза. Тот улыбнулся.

ся и указал пальцем вверх, в крону пальмы. Дескать, что-то упало оттуда, хотя Светлов видел боковым зрением, что это сам весовщик бросил в него нечто мелкое.

-

Не желаете ли взвеситься на весах, чтобы узнать свой вес? - с местным акцентом в речи предложил весовщик, добавив маркетинговое: - Пенсионерам скидки!

Тут улыбнулся и Светлов, вступая в диалог.

-

Вы на скидках разоритесь! - пошутил он. - Тут же одни пенсионеры!

-

Пенсионер пенсионеру рознь! - весовщик, кажется, был не прочь поговорить, но и Светлов никуда не торопился.

Решив, что будет внимателен и не даст весовщику навязать взвешивание, Светлов задержался для разговора.

-

В чем же, по-вашему, разница между пенсионерами? - зацепился за тему Светлов. - В возрасте? В профессии до пенсии? В стране проживания?

Весовщик пристально посмотрел в глаза Светлову и поддержал паузу, кажется, снисходительную.

-

Это все, что вы знаете о пенсионерах? - и весовщик нарочито удивленно поднял брови. - Давайте я взвешу вас и покажу вам разницу!

Светлов улыбнулся, потому что разгадал хитрость весовщика.

-

Сколько будет стоить взвешивание? - деловито поинтересовался Светлов, давая понять, что он не прост, и его не проведи.

-

Это зависит не от меня, а от веса и желания его изменить, - загадочно ответил на вопрос о цене весовщик. - Можно и не платить, но ничего и не будет!

-

А что будет? - допытывался Светлов. - Что будет, если заплатить?

-

Так вам не понять! Взвешивайтесь! - почти приказал весовщик.

Считая, что ничем не рискует, Светлов встал на металлическую платформу весов. Весовщик погонял грузики по перекладине с делениями, пока стрелка не успокоилась.

-

Живого веса в вас - семьдесят восемь килограмм! - непонятно и неприятно объявил весовщик. - Желаете продолжить?

-

Что значит, продолжить? Я взвесился, вы назвали вес, и теперь я знаю, сколько вешу, - недоуменно пожал плечами

Светлов.

-

Что? Кроме живого веса ничего больше узнать не желаете?, - продолжил интриговать весовщик. - Оставайтесь на весах!

Похожий на Кустурицу серб наклонился к подножию весов и передвинул какой-то железный рычажок. Стрелка весов вышла из равновесия, словно бы Светлов стал вдруг легче, и намного. Весовщик снова задвигал гирьками, устанавливая равновесие стрелки.

-

Поздравляю! У вас отличный вес! Поддерживайте его таким! Не набирайте! - растянул рот в улыбке весовщик.

Светлов снова недоуменно пожал плечами и собрался уже уйти, как вспомнил, что не заплатил.

-

Сколько с меня? - повернулся он к весовщику.

-

Ай-ай-ай! - укоризненно покачал головой весовщик. - По глазам вижу, что вы хотите узнать, что это значит! Давайте, я вам расскажу!

Весовщик помахал кому-то рукой, и взмахом руки ему ответила пожилая полная женщина за прилавком местного фастфуда - жареной корюшки. Он что-то покричал ей, показывая пальцем на себя и на Светлова, и через пару минут торговка корюшкой принесла два бумажных стаканчика с кофе.

Светлов кофе любил, не пил его с момента приезда и соблазнился, хотя хотел сделать это в каком-нибудь старом, атмосферном кафе на набережной. Что ж! Кофе - всегда кофе!

Весовщик показал рукой на низкую, по колено, стеночку вдоль края аллеи, и они уселись рядом, разделенные весами.

-

Вообще-то, все просто, и ничего нового я не открою, - начал свой рассказ весовщик. - За свою жизнь каждый человек набирает не только свой живой вес - вес тела, но и вес души. О людях ведь говорят: "Тяжелой души человек!" или "Легкой души человек!". Это не для красного словца! Душа имеет вес, его можно измерить, и от того, каков вес души, зависит, как человек живет и как закончит жизнь.

Старик-весовщик отхлебнул кофе и поднял стаканчик вверх - отсалютовал торговке корюшкой, словно подавая какой-то сигнал. Та помахала рукой. Светлов тоже поднял свой стаканчик, и ему тоже помахала рукой торговка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.